

2.3.2. Кампания против «нигилизма» и «ревизионизма»

Противоречивые тенденции в состоянии и развитии общества продолжали существовать и после 1956 г. Наиболее наглядно они проявились в среде литераторов.

С одной стороны, в январе – феврале 1957 г. в Союзе писателей были восстановлены поэты Б.А. Слуцкий и (посмертно) П.Н. Васильев, а военная коллегия Верховного суда реабилитировала еще никому не известного А.И. Солженицына. Вышел первый номер литературно-художественного журнала «Москва» довольно либерального содержания. 8 апреля премьерой спектакля по пьесе В. Розова «Вечно живые» в помещении МХАТа открылась Студия молодых актеров, вскоре получившая статус театра «Современник».

С другой стороны, продолжалась резкая критика романа Дудинцева «Не хлебом единым», поэмы Кирсанова «Семь дней недели», рассказов Гранина «Собственное мнение» и А. Яшина «Рычаги», стихотворения Евтушенко «И другие», а также выступления О. Берггольц, в которых «ревизовались постановления ЦК по идеологическим вопросам»{905}. Досталось и ни в чем себя не проявившему Б. Пастернаку. Но именно за то, что он продолжает «жить как бы в башне из слоновой кости».

– Он предпочитает четыре стены своей комнаты общению с людьми, – сетовал, например Л. Ошанин. – Жалко крупного художника, обрекающего себя на одиночество, ушедшего в своеобразную «внутреннюю эмиграцию»{906}.

Несмотря на открытые попятные движения власти в отношении либерализации, в литературно-художественной среде надежды на эту либерализацию отнюдь не иссякли.

– Мы всерьез приняли призыв XX съезда к критике недостатков и убеждены, что правильно его поняли, – говорил на правлении Московской организации Союза писателей в марте 1957 г. поэт С. Кирсанов.

На борьбу в литературе и вокруг нее «между разными притяжениями XX съезда» указывала там же М. Алигер, сетуя на то, что «есть силы, которые хотят заглушить те прямые указания, которые дал нам съезд»{907}.

14-17 мая проходил пленум правления Союза писателей СССР, на котором присутствовали руководители партии и правительства. Накануне, в понедельник 13 мая главный редактор «Литературной газеты» В.А. Кочетов разговаривал с Хрущевым:

– За последний год положение в литературе складывается просто, я бы сказал, трагически, – жаловался он. – Я товарищу Пospelову говорил, что советская литература уходит из рук партии. Появляются один за другим романы вроде романа Дудинцева, рассказы. Театры наводняются спектаклями черт знает какими. Это волнует нас, писателей-коммунистов.

Это был, как потом рассказывал Кочетов, решающий разговор. «Потому что ходили всякого рода слухи по поводу позиции тов. Хрущева по отношению к литературе, якобы, он сказал, не надо вмешиваться в писательские дела и т. д. Всякие подобные слухи деморализовали и тормозили работу среди писателей».

– Подавляющее большинство писателей стоит на правильных позициях, – заверял он. – Только какая-то кучка, до крайности активная, создает массовидность протеста против партийности нашей литературы и умелыми, объединяющими действиями создает угрожающее

положение в нашей писательской организации. Она за размагничивание нашей советской литературы{908}.

Сориентированный таким образом Хрущев и пришел к писателям, собранным в ЦК КПСС. Как впоследствии вспоминал В. Каверин, у многих участников этой встречи была надежда, что первый секретарь ЦК КПСС поддержит «либеральное» направление в литературе. «В кулуарах до заседания и на самом заседании в любой речи чувствовалась неуверенность: никто не знал, зачем нас созвали и что скажут члены правительства, сидевшие за столом в полном составе».

Первый секретарь союза А.А. Сурков говорил о себе, причем, как это ни странно, в каком-то прощальном, подводящем итоге тоне:

– Я исполнял гражданский долг и готов всегда освободить свое место.

Ясно было, что он был не в курсе, зачем устроено это внеочередное собрание. Украинский поэт М. Бажан почему-то упомянул недоброй памяти «Серапионовых братьев» и, как бы отпуская им грехи, отметил, что из их рядов вышли Федин, Тихонов и Вс. Иванов. С ним в скрытую полемику вступил ленинградец А. Прокофьев:

– Если бы кому-нибудь пришлось в голову делить писателей на левых и правых, то я посчитал бы своим партийным долгом заявить, что принадлежу ко вторым{909}.

Когда все речи были произнесены, слово взял Хрущев. Говорил он два часа. Начал он с заявления:

– Вас много, а я один. Вы написали много книг, но я их не читал, потому что, если бы стал читать их, меня бы выгнали из Центрального комитета.

Затем заговорил о мятеже в Венгрии, рассказав, как он приказал Жукову покончить с контрреволюционерами в три дня, а тот покончил в два.

– Мятежа в Венгрии не было бы, – уверял он, – если бы своевременно посадили бы двух-трех горлопанов.

И упомянул в связи с этим «кружок Петефи», подражая которому, некоторые наши писатели пытаются «подбить ноги» советской литературе.

– Они хотели устроить у нас «кружок Петефи». И совершенно правильно, по-государственному поступили те, кто ударил их по рукам{910}.

– Некоторые товарищи односторонне, неправильно поняли существо партийной критики культа личности Сталина, – говорил он. – Они попытались истолковать эту критику как огульное отрицание положительной роли Иосифа Виссарионовича Сталина в жизни нашей партии и страны и встали на ложный путь предвзятого выискивания только теневых сторон и ошибок в истории борьбы нашего народа за победу социализма, игнорируя всемирно-исторические успехи Советской страны в строительстве социализма{911}. О романе Дудинцева он говорил:

– В его книжке, которую сейчас пытаются использовать против нас реакционные силы за рубежом, предвзято надерганы отрицательные факты и тенденциозно освещены с недружественных нам позиций... У читателя создается впечатление, что автор не проникнут заботой об устранении увиденных им недостатков в нашей жизни, а умышленно сгущает краски, злорадствует по поводу недостатков{912}.

Касаясь же сборника «Литературная Москва», первый секретарь ЦК КПСС сослался на то, что опубликованные в нем «порочные в идейном отношении произведения и статьи» уже вызвали «резкое осуждение со стороны нашей общественности, и прежде всего самих писателей».

– Между тем члены редколлегии альманаха продемонстрировали свое неуважение к критике их ошибок, к мнению своих товарищей по перу и уклонились от прямого и честного выступления по поводу занятой ими позиции. Особенно следует сказать об Алигер, она берет под защиту опубликованные в альманахе произведения, в которых протаскиваются чуждые нам идеи{913}.

Выразив сожаление, что среди работников литературы и искусства встречаются еще такие люди, поборники «свободы творчества», которые «хотят, чтобы мы проходили мимо, не замечали, не давали своей принципиальной оценки и не критиковали подобные произведения», в которых «в извращенном виде» рисуется жизнь советского общества, Хрущев заключил:

– Мы открыто заявляем, что такие взгляды противоречат ленинским принципам отношения партии и государства к вопросам литературы и искусства{914}.

В то же время он взял под защиту тех писателей и художников, против которых, называя их презрительной кличкой «лакировщик», ополчились «носители ошибочных и вредных взглядов и настроений». Ведь в произведениях таких писателей, как Грибачев и некоторые другие, «даются правдивые и яркие примеры поступательного развития советского общества, положительные образы наших современников»{915}.

«Как ни бессвязна была речь Хрущева, смысл ее был ясен», – замечал Каверин: «Пахло арестами»{916}. Ясен он был и для тех, кто его сюда пригласил. «Мы радовались ей, это был для нас праздник, – рассказывал Кочетов. – Никто из этой кучки, которая только что сотрясала основы социалистического реализма и партийности в литературе, – никто из этой кучки на пленуме не сказал ни слова»{917}.

Оказавшийся в «этой кучке» А.Т. Твардовский заносил свои впечатления в дневник: «Речь Хрущева – она многими благоговейно и дословно записана – рассеяние последних иллюзий. Все то же, только хуже, мельче. Рады одни лакировщики, получившие решительную и безоговорочную поддержку... Вечером после совещания поехали на могилу Фадеева. «С поминок на поминки», как сказал очень удрученный Овечкин». По его убеждению, таких удрученных было процентов 70 участников совещания. И среди них, как ему показалось, оказался сам Сурков. Но тот уже на следующее утро излагает партгруппе правления Союза писателей содержание речи Хрущева по своей записи и говорит об «огромном значении» и «принципиальной постановке вопроса» и т. д. и т. п. А уже вечером того же дня в течение полутора часов держит вступительную речь к докладу секретариата на пленуме правления в Доме кино. «И все пошло своим чередом – никому не нужное, слышанное и надоевшее»{918}.

– Мы не можем мириться с тем, что у нас появляются произведения, в которых возводится клевета на нашу действительность, – заявил П. Бровка.

По мнению С. Михалкова, «путанные статьи, двусмысленные рассказы, странные стихи» вызывают, мягко говоря, недоумение и тревогу:

– Авторы этих произведений, скажем, Яшин или Дудинцев, метя в противника, попадают в своих. Не хотели, но попали.

«Ослабление высокого чувства социальной и общественной ответственности писателя» увидел в таких произведениях Л. Новиченко:

– Как бы ни отстаивал Крон в своих «заметках писателя» право на «писательскую свободу», как бы ни живописал об этом, такие высказывания и писания идут лишь на потребу мещанства и наших идейных врагов.

В. Закруткина интересовало, почему те, о ком сейчас говорят, не отстаивают свою точку зрения:

– Мы ждем, чтобы эти московские товарищи вышли сюда и сказали, что они думают, чего они хотят, какие позиции они отстаивают в литературе, что они намерены делать завтра и послезавтра.

А. Дымшица огорчило то, что поэт Антокольский на недавней дискуссии о поэзии в Ленинграде расхваливал творчество Пастернака:

– Я думаю, что такими стихами, какие печатает Пастернак сейчас, он расплачивается за отход от жизни, за позицию, которую он занял. И неверно его возносить перед лицом молодежи, для части которой он становится знаменем эстетства и жречества в литературе.

– Пройдет еще год-два, и начисто забудутся эти «гениальные», «непонятные» рассказы, романы, стихи, – выражал уверенность Л. Соболев. – Это пена на волне, прокатившейся по нашей стране после XX съезда партии. А пена, как известно, ломается.

Что-то пытались объяснить М. Шагинян, В. Овечкин и К. Федин. Но Сурков в своем заключительном слове назвал их выступления «половинчатыми» и «уводящими от спора». Странной показалась ему и позиция редакторов «Литературной Москвы», которые предпочли здесь отмалчиваться:

– «Подвиг молчания» в наших условиях – ширма, прикрывающая мелочность мелкобуржуазного фрондерства. Замкнувшись в скворечник молчаливого отсутствия, можно очень легко оказаться в стороне от жизни. Надо набраться мужества и переоценить свои

ложные позиции {919}.

Иного мнения по этому поводу придерживался Твардовский, записывая в свою рабочую тетрадь: «И хорошо сделал, что не выступал, – молчание поистине золото» {920}.

Наверное, чувствуя себя не очень удобно перед лицом «молчунов», с некоторыми из которых его связывали неплохие товарищеские отношения, а может быть и заручившись соответствующим одобрением на Старой площади, Сурков завершил свое выступление следующими словами:

– Было бы крайне вредно, если бы мы сочли деятельность нашего пленума, проходившего на большом накале политической страсти, какимто сигналом к стрельбе по инакомыслящим в литературно творческих вопросах. Задача убеждения, задача перевоспитания была и остается для нас главной задачей и базой для настоящей консолидации. Но осуществлять сплочение нужно на четкой идейной платформе, объединяя все живые силы литературы и отменяя все, что мешает ее развитию {921}.

Пять дней спустя, 19 мая на подмосковной правительственной даче в Семеновском (бывшей «дальней» Сталина) руководители партии и правительства встретились «в неформальной обстановке» с писателями, художниками, скульпторами и композиторами {922}.

Перед этим, рассказывал потом на пленуме ЦК Каганович, члены Президиума ЦК, заслушав сообщение Хрущева «и еще кого-то» о делах в Союзе писателей, одобрили предложенную «линию борьбы с извращениями в литературе, с уклонами, которые имеются, в особенности в Московской писательской организации». Собралось там человек 300-400. С женами. Начался обед, пошли речи. Хрущев выступал 4 раза {923}. Говорил об успехах СССР. О необходимости догнать и перегнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения {924}. Но в основном критиковал писателей. Говоря о том, что случилось в прошлом году в Польше и Венгрии, сказал, что, если кто собирается пойти по тому же пути, пойти против линии партии, того «в порошок сотрем» {925}.

– Мы не станем цацкаться с теми, кто нам исподтишка пакостит! – восклицал он, «крепко захмелевший», как утверждает присутствовавший там В.Ф. Тендряков, и «под восторженные крики верноподданных литераторов, которые тут же по ходу дела стали указывать перстами на своих собратьев».

При этом он особенно атаковал поэтессу М. Алигер, которая, по его мнению, была «одна из самых активных в этой группе писателей»:

– Вы – идеологический диверсант! Отрыжка капиталистического Запада!

– Никита Сергеевич, что вы говорите? – пробовала она защищаться. – Я же коммунистка, член партии...

– Лжете! Не верю таким коммунисткам! Вот беспартийному Соболеву верю!..

Соболев вскакивал и выкрикивал:

– Верно, Никита Сергеевич! Верно! Нельзя им верить! Досталось от него и главному редактору альманаха «Литературная Москва» Казакевичу.

– Свой орган завели!

Дал и «должную партийную оценку» Дудинцеву {926}.

К секретарю ЦК КПСС П.Н. Поспелову подошел во время обеда писатель К.Г. Паустовский, который в дискуссии по роману Дудинцева «Не хлебом единым» в октябре выступил с речью, расцененной как антисоветская, и попросил принять его в ЦК. Беседа в ЦК между ними длилась три часа. Паустовский сказал, что речь Хрущева произвела на него большое впечатление.

– Передайте Никите Сергеевичу, что я советский писатель. Пусть он прочитает мои книги... Несмотря на мои ошибки, я советский писатель.

Поспелов, который считал, что если бы этот «советский писатель» произнес еще одну такую речь, «его надо было арестовывать», показал ему фотокопии американских публикаций с восхвалениями Дудинцева и комплиментами Паустовскому. Тот обещал, «как советский писатель», постараться «найти форму, чтобы отмежеваться от антисоветских высказываний» {927}.

К Сулову в самом конце обеда подходил поэт С.И. Кирсанов и также высоко оценил речь Хрущева {928}.

А вот поэт И. Сельвинский откликнулся на угрозы Хрущева такими стихами: «Как жутко в нашей стороне... / Здесь только ябеде привольно. / Здесь даже воля всей стране / дается по команде: «Вольно!»»{929}.

Между тем остальные коллеги Хрущева сидели, словно воды в рот набрали. Предложил он было выступить Булганину, но тот не захотел. И так получилось, что поддержал высказанные первым секретарем ЦК КПСС «в очень острой форме» партийные установки по литературе один лишь Микоян{930}. А Хрущев снова и снова брал слово. И во второй или третьей речи он, по выражению Кагановича, «в бочку меда вложил ложку дегтя» – завел разговор о внутрипартийных разногласиях.

– У меня бывают споры с Молотовым, – признался он.

Каганович посчитал, что в такой среде, где большинство беспартийных, затрагивать внутрипартийные вопросы неправильно. Неправильными посчитал он и методы общения Хрущева с собравшимися, такие его выражения как «сотрем в порошок»{931}.

Такого же мнения придерживался и Маленков:

– Выступление на собрании беспартийных с вопросом, который следует рассматривать только на Президиуме ЦК, является недопустимой вольностью. Меня тревожит, как бы это не повторилось{932}.

Поведение Хрущева вызвало большое недовольство и Молотова:

– Разве это правильно говорить там о наших спорах и разногласиях? Неправильно говорить, что «сотрем в порошок». Иначе все нужно было сказать. Да, против дудинцевых нужно принимать меры. Но для чего собирать писателей и угрожать им? Это было сделано политически невыгодно{933}.

Каганович, Маленков, Молотов и Булганин говорили об этом с Первухиным. «Это было 20 мая, – вспоминал последний на пленуме ЦК. – До этого никаких разговоров у меня относительно какого-либо недовольства в работе Президиума ЦК ни с кем из этих товарищей не было... Конечно, если бы я считал, что у нас все в порядке, тогда, собственно, о чем бы им со мной говорить? Я считал, что у нас не все идет гладко и что надо поговорить в Президиуме ЦК о работе, с тем чтобы улучшить обстановку. Этим они и воспользовались».

По этому поводу у Первухина был обмен мнениями с Микояном. Тот соглашался, что не надо было Хрущеву говорить перед беспартийными и обывателями о своих разногласиях с Молотовым, к тому же так неожиданно, без предварительного согласия других членов Президиума.

– Если и надо было на этом совещании выступать в отношении Молотова, поскольку среди писателей шли закулисные разговоры о Хрущеве и Молотове, то, может быть, было целесообразно договориться заранее, чтобы выступил по этому вопросу другой член Президиума ЦК, с тем чтобы не было обвинений, будто Хрущев защищает себя.

Соглашался Микоян и с тем, что в своем выступлении Хрущев допустил горячность и перебарщивание. Неправильным, по его мнению, было и то, что выступали только Хрущев да он, Микоян.

– Виноваты, что не подумали о том, кто что скажет... Получилось, что Хрущев высказал в острой форме установки нашей партии, один я поддержал его, а другие молчали. Это недостаток в нашей работе. Нужно было обсудить заранее порядок встречи с писателями, а мы этого не сделали.

Он обещал поговорить по всем этим вопросам с Хрущевым после того, как тот вернется из поездки в Финляндию{934}.

Хрущев же, очевидно, дабы удостовериться лишний раз в своей правоте, спросил Шепилова, как реагировали писатели. Тот ответил:

– Есть реакция тройкая. Первая группа писателей, основная и большая, одобряет это дело, считая, что, несмотря на резкость тона, прямота постановки пойдет на пользу. Основная часть реагировала правильно. Есть вторая группа – шатающаяся. И есть третья группа, которая не согласна{935}.

Тогда же Шепилов попросил у Хрущева согласия на подготовку к печати текста его, Хрущева, выступлений перед писателями. Хрущев выразил сомнение:

– Стоит ли это делать?

– Это очень важно и было бы полезно, – убеждал Шепилов. – Давайте сделаем это. Давайте соединим оба выступления в одно {936}.

А слух о том, что поведение Хрущева на приеме писателей осуждается даже в его ближайшем окружении, разнесся по Москве {937}.

Между тем в Союзе писателей в ход пошли политические обвинения и ярлыки. Его руководители, дабы не быть обвиненными в мягкотелости, подхватили критическую дубинку из рук Хрущева.

– Борьба наша уже перешла из области литературы в область политики, – объявил Сурков на заседании парткома Московской писательской организации 21 мая 1957 г.

Обвинения, выдвинутые им, были серьезные: альманах «Литературная Москва» и возник потому, что «зарождающемуся параллельному движению» надо было иметь свой автономный орган.

– У людей, возглавлявших этот альманах, было единство политических позиций, не совпадающих с тем, к чему обязывали нас решения XX съезда.

Казакевич не соглашался с этими обвинениями и просил дать редколлегии возможность продолжить работу, но поддержки не получил. Было решено редколлегию расформировать, а позицию ее членов-коммунистов строго осудить {938}. Но это решение предстояло еще утвердить на общем собрании московских писателей-коммунистов, И 25 мая в передовой статье, возглавляемой Кочетовым «Литературной газеты» члены редколлегии «Литературной Москвы» Казакевич, Алигер, Каверин и Рудный были названы группой, «стоящей на позициях нигилизма и ревизионизма». Другие члены редколлегии, не упомянутые в газете, Паустовский, Бек и Тендряков, письменно возражали против такого разделения. Сам Казакевич пытался протестовать против «огольного осуждения» и «наклеивания ярлыков на честных советских литераторов». Его выступление на партийном собрании столичных литераторов 29 мая 1957 г. вызвало аплодисменты, но ни одного голоса в поддержку. Предложенная парткомом резолюция была принята всеми кроме двух воздержавшихся. Ими оказались Казакевич и Тендряков {939}.

В тех условиях нравственное сопротивление идеологическому нажиму сверху часто оказывалось путем молчания в ответ на публичную критику, на требование раскаться. Ни от Дудинцева, ни от Каверина, ни от Паустовского руководители Союза писателей раскаяния не слышали. Но так как конформизм был непременным условием профессионального выживания и толкал людей к «разоружению перед партией», пусть и лицемерному, то все же многие сочли необходимым пойти на такой шаг. Алигер, например, в октябре 1957 г. заявила, что партия и выступление Хрущева помогли ей исправить «ошибки в работе». И Катаев говорил на том же партийном собрании:

– Мы должны быть благодарны партии за то, что она руководит нами, потому что писатель без идеи – это уже не глашатай правды, а жалкий обыватель {940}.

В печати началась кампания против очернительства советской действительности. Брожение умов после XX съезда КПСС было обозначено как праворевизионистские шатания. Обвинение по тем временам серьезное и неожиданное для обвиняемых. «Мы были совершенно искренними, когда отвергали обвинения в ревизионизме, ведь мы ничего не хотели ревизовать, а напротив отстаивали дух и букву законов и уставов, которые давно существовали, – писал впоследствии Л. З. Копелев. – Мы думали, что нам нужно только сломить сопротивление арьергардов сталинщины. Однако в действительности мы противостояли советской системе, сами того не сознавая» {941}.

Но это вовсе не значит, что в стране не было осознанного сопротивления. Некоторые студенческие кружки, созданные осенью 1956 г., стали превращаться в конспиративные антиправительственные организации. Члены группы Краснопевцева в Московском университете, например, еще в начале 1957 г. восприняли письмо ЦК КПСС о мерах пресечения антипартийной и демагогической деятельности как «формальный отказ руководства СССР от курса на обновление» и пришли к выводу: раз надежды на «верхи» оказались беспочвенными, остается только самим продолжать и развивать дальше критику, причем нелегальным образом.

В марте 1957 г. Л.Н. Краснопевцев представил на обсуждение своих товарищей реферат «Основные моменты развития русского революционного движения 1861-1905 гг.», написанный

им совместно с Л.А. Ренделем при активном участии сотрудника Института востоковедения АН СССР В.Б. Меньшикова. По их мнению, революционеры в России (Нечаев, Желябов, Ленин) представляли собой синтез разинщины и пугачевщины с евангелием (послушание низов мессии), боролись против царского самодержавия только для того, чтобы «отбросив буржуазию, перескочить сразу от феодализма к социализму» путем установления диктатуры{942}.

При обсуждении реферата выяснилось, что Н.Г. Обушков и Н.Н. Покровский продвинулись еще дальше в переосмыслении догматических штампов. Первый из них, например, считал, что преодоление нечаевско-ленинской традиции дает основание для вывода, что культ личности Сталина по логике вещей должен быть продолжением этой традиции. А второй указывал на особо негативную роль предложенной Лениным резолюции X съезда РКП(б) о единстве партии{943}. Такая постановка вопроса о месте ленинизма в освободительном движении оказалась неожиданной для некоторых участников группы. Так, М. Чешков, соглашаясь с тем, что X съезд РКП(б), отвергнув синдикалистские идеи рабочего самоуправления, положил начало «грехопадению», продолжал считать незыблемым марксизм-ленинизм в целом и понятие о ведущей роли партии в частности.

И тем не менее все они были согласны с тем, что «система отношений в СССР не соответствует тем канонам марксистско-ленинской теории», коим их учили. Сам же «научный социализм» в массовом его понимании для них оставался «путеводной звездой»{944}.

19 мая 1957 г. члены группы Краснопевцева, собравшись в Измайловском парке, обсудили его реферат, а также критику системы управления промышленностью, изложенную М.И. Семененко в его письме в ЦК КПСС, и статью Чешкова о партийно-государственной номенклатуре, напечатанную в стенгазете Института востоковедения и затем нелегально отправленную в польский оппозиционный журнал «Попросту», и решили считать себя организацией, ставящей целью разработку теоретических вопросов и распространение правды о положении в СССР{945}.

Так рождалась в стране политическая, организованная и нелегальная оппозиция.